

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИПОСТАСИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. А. Костенич

Современная культура утратила вкус к Слову, к его эсхатологическому дегустированию, а «философская речь» редуцировалась к вялым наставлениям и историко-философскому пересказу. Порою кажется, что в процессе преподавания философии на авансцену гротескно выдвигается прозаическая ретрансляция биографических дат и хрестоматийных цитат, составляющих в своей совокупности гремящую смесь латентного дезавуирования философских «голгоф смыслополагания». Мысль буксует в препонах «профанного слова», десакрализованного атеизмом равнодушия к человеческому духу, к его экзистенциальным запросам, нуждающимся в «профетической дидактике» раскрепощенного авторства, в оригинальных версиях конфигурирования философского пространства.

Сокращение аудиторных регламентов философского образования ставит гуманитарное сообщество перед вопросом о новых «методологиях» и «тематических ракурсах» изложения философско-мировоззренческих обобщений. Необходимо принципиально менять стратегии философского образования. Если мы не декларативно желаем преодолеть «экспериментальное единообразие» наших вузовских программ по философии; если мы не на словах, а на деле, стремимся быть аутентичными мировым тенденциям саморазвития философского дискурса, нам следует придать ему большую демократичность в выборе «современных» мировоззренческих аксиоматик и технологий изложения.

Философия должна, наконец, предстать как «энциклопедия философских наук», а не как «компендиум натурфилософских онтологий» и историческое приложение к «методологии научного познания». Этика, эстетика и религиоведение должны быть инкорпорированы в нынешний курс философии на правах его «креативных бифуркаций» Мысли. Следует перестать воспринимать философское образование в оптике «эkleктичной эрудиции», призванной «галопом по Европам» информировать студенческую аудиторию о максимально возможном «количестве» выдающихся философов и их мировоззренческих пристрастиях. Подобное преподавание изначально неэффективно и, более того, целенаправленно дискредитирует как саму философию, так и ее профессиональных адептов в лице профессорско-преподавательского корпуса.

Мировоззренческие замыкания философских и религиозных построений смысла имеют многовековую традицию. В наш секулярный (постмодернистский) век, фактически (обще)принято считать, что философское сознание представляет собой специализированное интеллектуальное усилие по рациональной ассимиляции и категориальной инсталляции религиозных сюжетов и проблем в тематическое поле экзистенциальных поисков смысложизненных констант.

В этой связи, например, контовская концептуальная схема исторических трансформаций человеческого Разума, диагностировавшая теологическую, метафизическую и позитивную стадии его духовных формаций, пытается, как и гегелевская генеалогия «абсолютного духа», с его эстетическими, религиозными и философскими самоактуализациями Мирового Разума, поместить мифорелигиозные конструкции в некую мировоззренческую область философских

и научных «междупрочий».

Религиозные матрицы миропонимания, за пределами собственно «религиозных эпох и направлений Мысли», рассматриваются, в лучшем случае, в качестве иллюстративного субстрата для тех или иных ораторских практик и тем самым предъявляются внимающему сознанию сугубо «риторично». Их драматический духовный пафос, глубинные смысловые экзальтации, нетривиальные треволнения мысли тлеют угасшим пламенем «случайных примеров» и иррациональных «ad hoc гипотез».

Между тем, сама религиозная фактура мыследеятельности, состоящая в сквозной интенции «трансцендирования» к Абсолютным основаниям Бытия и Смысла (одним из манифестаций которых выступает «Бог»), свидетельствует о том, что религиозное сознание «метафилософично» в своих исходных мировоззренческих масштабах и итоговых экспликациях векторов человеческого самоопределения. Библейское «Я есть Истина, Путь и Жизнь» представляет собой не только и не столько «историческую реплику Богочеловека», сколько фундаментальное мировоззренческое переформатирование прежней традиционной «философии Истины», обретшей размерность человеческого выбора своей Судьбы и Предназначения перед лицом Абсолютной Ответственности за собственную Правду в бытии.

Как это не покажется парадоксальным, но «трансцендирующее в запредельность» мировоззренческой догматики религиозно аранжированное сознание изначально и (по-философски)... еретично! Борясь с ересями конфессионального и сектантского инакомыслия, оно, тем не менее, антиномично их предполагает и даже, по-своему, культивирует! Ереси представляют собой «граничные» испытания религиозной Мысли; позволяют оттачивать «догматические верификации» базовых Смыслов; репрезентируют потребность человеческого Разума герменевтически самоопределяться в контексте интеллектуальных искушений Иного и «конфликтах интерпретаций».

Герменевтическая методология истолкования религиозных первосмыслов инструментально находится в плену у «Слова», которое имманентно «богоподобно», ибо Тот, Кто владеет «Словом о бытии», конгениален самому Творцу, творившему все сущее в хитросплетениях «порождающей грамматики» эзотерических «высказываний». Схоластический «культ Слова», избывший меркантилизм античной софистики казуистикой концептуальных упражнений с онтологическими ресурсами языковых отложений, при всех своих спекулятивных издержках, мировоззренчески возвысил «практики словопрения» до уровня философского священнодействия.

Философия обрела характер сакральной литургической коммуникации, в контексте которой прагматика «языковых игр», с их проповеднической ангажированностью идеологического миссионерства, вступила в оппозицию с исповедальностью человеческого духа, взыскующего «откровений» вселенского Смысла и, не имеющего избирательного притяжения к какой-либо (единственно возможной) интеллектуальной прописке. Как ни странно, но, говоря марксистским языком, не религиозное сознание, а скорее философская рефлексия оказывается сегодня «превращенной формой» артикуляции бюрократических ревизий процесса образования, загоняется в интеллектуальное гетто факультативных «версий Разума».

Безусловно, философское образование не может быть подчинено религиозным ценностям, вновь оказавшись в роли «служанки богословия», конъюнктурно сменить одну идеологическую атрибуцию на другую. Однако и отказаться от «миссионерских порывов» экзистенциального (не путать с экзистенциализмом!) преображения человеческой духовности, от изложения «модельных парадигм», задающих смысложизненный репертуар человеческого присутствия в собственном существовании, она тоже не может и не должна.

В этой связи «фаворский свет благовестия» религиозных «житий Мысли» и драматических феноменов праведного религиозного подвижничества, задают философскому образованию (вечные) перспективы и артефакты «должного бытия» и выстраданных духовных прозрений. По нашему мнению, философия в качестве «события Мысли» возможна лишь при условии ее квазирелигиозной взволнованности в экспонировании смысложизненных проблем и их сакральной тревожности для обыденного сознания.

В частности, как нам представляется, религиозная драма «грехопадения» обладает инвариантным философским потенциалом по своей мировоззренческой фундаментальности и духовным импликациям. Дело в том, что (в религиозном менталитете) понятие «греха» тематизируется не только в сюжетных сценариях «первородного греха» и номенклатурного перечня диверсифицированных «злодеяний», но и в инстанции «промаха мимо цели». Этой вожденной «целью» религиозного существования, выступает понимание человеческой участи и удела, как реализации человеком изначального «божьего замысла» о его персональном предназначении.

Верующий человек «знает» о себе, как о «замысле божьем». Но ему «не дано знать» (вплоть до Страшного суда) какова «философия» данного замысла, что «конкретно» он обязан свершать своим свободным существованием, во исполнение своей бытийной миссии. «Теодицея» транспонируется в «антроподицею»! Бердяевское «оправдание Творчеством» ошеломительно вторгается в пертурбации повседневного бытия, предполагая его философское сопровождение эстетическими параллелями и этическими подвигами ответственной самобытности.

Религиозное «Верую, чтобы понимать!» обретает философскую транскрипцию бытийного воззвания «Понимать, чтобы верить!»! Верить в собственную сущностную не случайность и духовную глубину! «Иррациональное» оказывается всего лишь иллюзией «ленивого разума», а философская речь оказывается светской молитвой Абсолютным Смыслам!